

«В современном Узбекистане и Таджикистане историческое прошлое региона рассматривается с точки зрения укрепления национальной независимости новых республик, что порождает нешуточные баталии между “национальными” историками за историческое наследие народов региона», – отмечает в своей статье, написанной специально для аналитической платформы CABAR.asia, независимый исследователь Бахтиёр Алимджанов.

Подпишитесь на наш канал в [Telegram!](#)

В сентябре 2018 г. после визита президента Узбекистана Шавката Мирзиёева в Таджикистан, в интернете разгорелись споры и баталии насчёт культурного наследия и величия предков (например, Джамии и Навои). Были написаны несколько полемических статей и обзоров на историческую тему отношений “общих предков”. В связи с этим возникает вопрос, насколько влияет историческая политика на нациестроительство и идентичность местного населения? Кто создатель исторической политики, которая все больше влияет на судьбы народов центральноазиатского региона?

Национальная или государственная идентичность?

В 90-е гг. XX века политическая элита центральноазиатского региона полностью монополизировала культурную сферу, развивая ее в своих интересах. Правительства с помощью интеллигенции инициировала новую культурную революцию, которая стала бы катализатором формирования новой “национальной” идентичности населения региона. Основой новой культурной “революции” стала национальная история, национальные традиции и обычаи, и религиозные ценности в усеченном виде. Основной задачей власти в обеих республиках было создание светской (*государственной*) идентичности в противовес религиозной и региональной (*локальной*) идентичностей. По форме новая культура была “национальной”, по содержанию светской (*государственной*). Противопоставление государственной (*светской*) идентичности к локальным и религиозным идентичностям, затрудняло проведение активной культурной политики. Тогда инициаторы “новой” национальной культуры пошли по проторенному “старому” пути. Частично и творчески был переосмыслен советский культурный опыт, и в результате возникла симбиозная

культура с культом личности.

В Узбекистане национальным героем и символом национальной государственности стала фигура Амира Тимура, а в Таджикистане – Исмаил Самани, т.е. два государственных деятеля стали олицетворять стремления молодых государств. В честь Тимура был построен музей в центре Ташкента, а в крупных городах республики появились его памятники. Образ Тимура также трактовался как освободитель народов Средней Азии от монголов, что наталкивало мысль на Ислама Каримова, под руководством которого Узбекистан обрел независимость.

Памятник Амиру Темуру (Эмир Тимур, Тамерлан Великий, Темур Великий, Хромой Тимур) в Ташкенте. Фото: mice-uzbekistan.uz

В 1996 году с помпой был отпразднован юбилей Амира Тимура в Париже и в Ташкенте. В 1999 году праздновали 1100-летие образования и культурного расцвета государства Саманидов. Личность Тимура и Самани, таким образом, служит для легитимации

неограниченной власти президентов Узбекистана и Таджикистана. Также были «реабилитированы» исламские философы, правоведы и поэты средневековья, которые были призваны для укрепления «новой» культуры. Нужно отметить, что культ «великих предков» был изобретен еще в 40-60-е гг. XXв. куда входили Алишер Навои, Мирзо Улугбек, Ибн Сина, Джами, Рудаки, Машраб и др. В культурном пантеоне появились новые религиозные персонажи как Имам ал-Бухари (юбилей праздновался в 1998 г. в Узбекистане), имам Аъзам (юбилей праздновался в 2009 г. в Таджикистане), Абу Мансур аль-Матуриди, Бурхануддин аль-Маргинани. Это было своеобразной данью исламской идентичности населения. Тем самым политическая верхушка поддерживала “официальный” ислам в противовес фундаменталистам и экстремистам. В противовес исламу начали “возрождать” доисламские религии и праздники – зороастризм и Навруз. Как отмечал по этому поводу Ислам Каримов «осознание духовной самобытности центральноазиатского ислама требует глубокого изучения доисламской культуры, как части нашего культурного богатства»[\[1\]](#).

В 2001 г. в Узбекистане праздновался 2700-летний юбилей Авесты. В Таджикистане происходили схожие “юбилеи”, например, 2002 г. был объявлен Годом 2700-летия Авесты, священной книги зороастрийцев, а несколько позднее 2006 год был объявлен международным Годом арийской цивилизации.

Дискуссии о “древности” истории между Узбекистаном и Таджикистаном

В современном Узбекистане и Таджикистане историческое прошлое региона рассматривается с точки зрения укрепления национальной независимости новых республик, что порождает нешуточные баталии между “национальными” историками за историческое наследие народов региона. Эти споры и дискуссии приводят к созданию исторических “теорий”, которые делают историю узбеков или таджиков древнее, в ущерб исторической науке. Историки обеих республик апеллируют к понятию «автохтонности» (т.е. коренного) древнего тюркского или ираноязычного населения, что реставрирует историческую концепцию “извечной” борьбы оседлого и скотоводческого населения, пришлого и автохтонного, тюркского и ираноязычного. Нужно отметить, что таджикистанские ученые придерживаются теории борьбы между “пришлым” и “автохтонным” населением, а узбекистанские сторонники естественной ассимиляции и консолидации населения региона в силу исторических условий и обстоятельств.

“Споры” вокруг «автохтонности» определенного населения центральноазиатского региона ведет к созданию концепции этнической исключительности, ключевыми положениями которого являются: 1) древнейшая государственность, 2) древность

народа и его самоназвания, 3) гипертрофированный ареал государств или границ и территории расселения народа, 4) неоправданное возвеличивание своего народа и принижение значимости других народов.

Нужно отметить, во всех исторических конструкциях древней государственности, этноса и культуры, значимым компонентом является апелляция к *государственности*. «Нациестроительство» в современной Центральной Азии обусловлено **государственной идентичностью** населения, а не ее этническим происхождением (особенно в современном Узбекистане). То есть в современном этапе “формирования” среднеазиатских наций, в первую очередь для Узбекистана, играет роль географические границы республики, а для Таджикистана конструкт этнической исключительности, хотя таджикская элита активно использует “историческую” (воображаемую) географию Таджикистана, которая включает в себя территории Узбекистана (Самарканд, Бухара). Нужно отметить, что для “большого” Узбекистана “реальная” география играет основную роль для *нациестроительства* (точнее государственного строительства), а для Таджикистана “историческая” география не только материал для формирования сильного государства, а скорее *условие* нациестроительства. Поэтому наряду с понятием «автохтонности» возникает политический исторический конструкт о “древнейшей” государственности на территории Центральной Азии, которое принимает порой *неисторический контекст*.

Первые “национальные” государства на территории Узбекистана и Таджикистана

Узбекистанские и таджикские историки сконструировали первые “национальные” государства на территории Центральной Азии, которые послужили точкой отсчета государственного строительства. Первым “национальным” государством (*не царством и не ханством – прим. авт.*) на территории Центральной Азии, по мнению узбекистанских историков является Караханидское государство (X в.) основу которого составляли тюркоязычные племена, а для таджикских коллег Саманидское государство (X в.) основу которого составлял ираноязычный *этнос*. Появление «централизованных» государств, по мнению центральноазиатских историков совпадает с формированием узбекского и таджикского народов. «В период господства Караханидов (IX-XI вв.), пишут узбекистанские историки (ссылаясь на труды известного историка К. Шаниязова), в связи с переходом политической власти в Мавераннахре и Хорезме в руки тюркских династий, начался **завершающий** период этногенеза узбекского народа. В государстве западных Караханидов сформировался тюркский этнос, составивший этническую базу современных узбеков. В этот период сложилось единство таких ведущих этнических характеристик, как единство

Великое “историческое” прошлое: как создавалась новая национальная идентичность в Узбекистане и Таджикистане

территории, языка, культуры, исторической судьбы, *этнического самосознания*, государственной принадлежности, религии и т.д.»[\[2\]](#). Таджикистанские историки в противовес узбекистанским коллегам создали собственную версию, где утверждается, что «таджики еще в период своего первого государственного образования – Государства Саманидов – сложились в *единый народ* на основе общности территории и единого, почти современного, языка, с небольшими диалектическими отличиями. Естественно, в те далекие времена еще не могли появиться другие элементы, способствующие образованию полноценной нации»[\[3\]](#).

Памятник Исмаилу Самани, эмиру из династии Саманидов, в Душанбе. Фото: restbee.ru

Нужно отметить, что две «нации» были образованы “одновременно” и в одинаковых условиях и исторических обстоятельствах, казалось бы, эти “теоретические” наработки могли бы положить конец “символическим” баталиям между историками обеих стран, но остается много существенных различий в подходах в интерпретации истории

государственности края. Как сетуют таджикостанские историки, «после распада государства Саманидов в судьбе таджиков наступили тяжелые времена»[4], так как она была ликвидирована караханидами (т.е. тюркской конфедерацией), т.е. Караханидское государство является в понимании таджикостанских историков “завоевателем” Мавераннахра, которое положило начало концу “таджикской” государственности. Для исторической науки Узбекистана отношение к Саманидам *позитивное* – оно воспринимается как очередной этап в развитии узбекской государственности. Таким образом, таджикостанскими историками разрабатывается и воспроизводится лапидарная теория идентичности, а узбекостанскими – симбиоз племен, народов, проживавших на территории Центральной Азии, которые объединились в единое государство – Республика Узбекистан.

Конечно, таджикостанскими историками частично осуществляется отход от “таджикоцентризма”, так как 15-20 % населения Таджикистана является узбекоязычное население. «Костяк искусственно выдуманного народа с названием “узбеки”, – пишет академик Р. Масов, – в основном составили отуреченные таджики – сарты, владевшие двумя языками – таджикским и тюркским с примесью таджикских и тюркских слов»[5]. Поэтому как отмечают российские историки, в Таджикистане (в отличие от Узбекистана) «формируется “бинарная” этническая структура – однородно-национальное таджикское общество с большой общиной узбеков»[6].

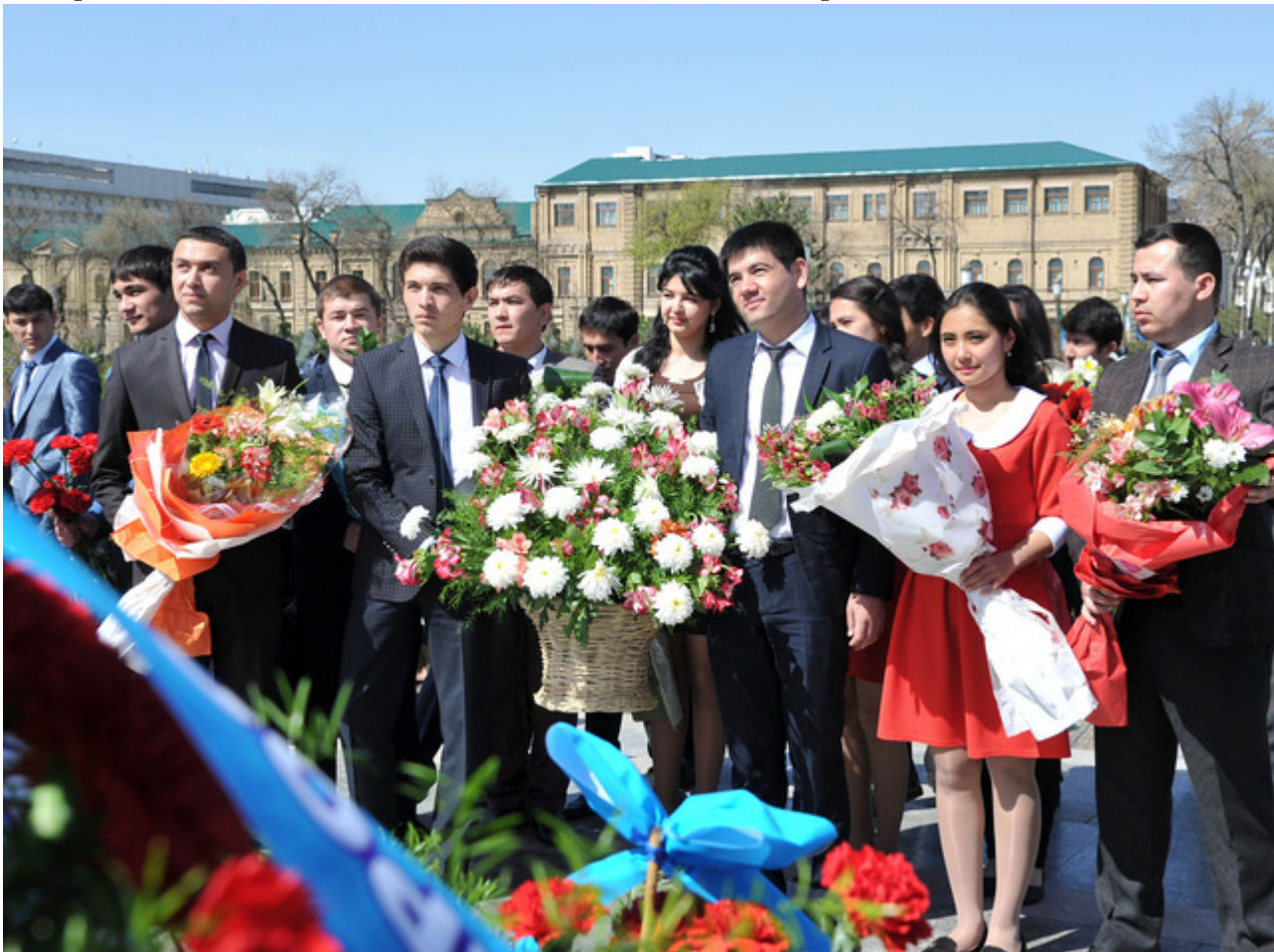
Нациестроительство – основа легитимации власти?

Государственная (*читай светская*) идентификация населения центральноазиатского региона призвана стать основой легитимации “новых” постсоветских республик, которые стремятся к упрочению и расширению власти политических элит региона. Нужно отметить, что население центральноазиатского региона довольно равнодушно отнеслось к “историческим” акциям правительства (особенно в Узбекистане), так как после развала СССР экономическая разруха и нестабильность (особенно в Таджикистане) сказалось на интеллектуальных запросах общества. На самом широком уровне, следует признать, что *нациестроительство* в Узбекистане и Таджикистане превратилось в национальную политику, а национальная *идентичность* была заменена *исторической географией* в ущерб региональной и культурной идентичностей, а культура, которая является основой *идентичности* была заменена государственными праздниками.

**В результате национальной политики,
“творчески” был переосмыслен
советский опыт (особенно в**

Узбекистане), который стал основой пресловутой национальной идентичности.

Новая идентичность не смогла вытеснить другие идентичности (конфессиональную, региональную, родовую), а наоборот законсервировала, “архаизировала” и “принизила” их роль до неформального уровня. В результате “новая” идентичность породила новые формы *неотрадиционализма* в центральноазиатском обществе, негласно поддерживаемой государственными структурами. В таких сложных исторических условиях все попытки политической и академической элиты сконструировать нацию и “современное” государство (в центральноазиатском случае эти понятия совпадают), а также “переход” в этих республиках к рыночным отношениям и “строительство” демократического государства привела к авторитарным режимам. Элиты не разделяют понятия власть и государство, государство и правительство, государство и нация, что задерживает модернизацию центральноазиатского общества на долгие годы наперед.

Молодежь возлагает цветы памятнику Амира Темура в Ташкенте на торжественном мероприятии посвященном к

его дню рождения в 2014 году. Фото: gazeta.uz

Тотальное вмешательство государства (т.е. правительства) в этноисторию приводит к отчуждению населения от власти, и, в свою очередь, «легитимирует» все акции власти. В таких кризисных ситуациях усиливаются роль региональных кланов, что в свою очередь на первое место выходит региональная, конфессиональная, родовая (или клановая) идентичность личности в Центральной Азии. В Узбекистане это процесс ярко выражен господством локальных (территориальных) групп, а в Таджикистане – авлодами (*авлод является неформальным патримониальным институтом, распространенным в большинстве этнических, особенно сельских общин Таджикистана*).

Цель и задачи «нациестроительства»

Исторический опыт народов Центральной Азии, по мнению политических элит и академических кругов этих республик должен *оправдывать* существующие отношения в обществе, которые обеспечивают мир (*тинчлик*) всем народам, проживающим в этом регионе. Любые изменения, противоречащие историческому опыту этих республик (читай правительствам республик), будет восприниматься как чуждый духу и культуре народам и отвергаться как не соответствующий современным реалиям Центральной Азии. Эти исторические конструкции и постулаты служат:

- 1) гарантом политического и социального спокойствия в регионе,
- 2) базой для дальнейшей “демократизации” всех сторон жизни населения,
- 3) карт-бланш для политических элит этих республик в удерживании безраздельно власти.

Возможно также в центральноазиатском регионе возникновение “просвещенной” династической монархии воспроизводства неотрадиционализма в новых конфигурациях.

[1] Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века. Угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Т.: Ўзбекистон, 1997. С. 138.

[2] Алимова Д.А., Арифханова З.Х., Аширов А.А., Назаров Р.Р. Еще раз к проблеме этнологии в Узбекистане (в дополнение к дискуссии) // Этнографическое Обозрение 2006. № 3. С. 113.

[3] Масов Р.М. Таджики: история национальной трагедии. Душанбе: Ирфон, 2008. С. 388.

[4] Там же.

[5] Масов Р.М. Таджики: история национальной трагедии. Душанбе: Ирфон, 2008. С. 526.

[6] Абашин С.Н., Бушков В.И. Таджикистан: некоторые последствия трагических лет. М.: РАН, 1998. С. 13.

Материалы, опубликованные в разделе «Мнение», являются личным мнением авторов.